

**Своеобразие жанра путешествий (хождений)
к святым местам (на примере русских, татарских
и калмыцких источников)**

Особое место в литературе занимают произведения, написанные в ходе наблюдений и анализа увиденного в путешествиях. Произведения подобного жанра дают возможность автору рассказать о жизни стран и народов. Исследователь данного жанра Н.И. Маслова пишет, что «в произведениях такого рода аудитория получает своеобразно скомпонованную, прошедшую предварительно через непосредственное восприятие и переработанную идейно-художественным опытом автора-современника информацию. Публицистические «путешествия» неопределимы для широкого ознакомления с различными областями социально-политической, экономической жизни какой-либо страны, ее культуры и искусства»¹.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть общие черты жанра хождений, а также его национальное своеобразие, на примере калмыцких, татарских и русских произведений. Источниками послужили «Сказание о хождении в Тибетскую страну Малодербетовского Бааза-багши»², «Исмагил ага сэяхетнамэсе»³, «Святые места вблизи и издали: Путевые заметки русских писателей первой половины XIX в.»⁴.

Произведения жанра путешествий, как жанра публицистики, имеют свои специфические особенности, во многих случаях структура которых не зависит от автора, а тем более от его национальной принадлежности, что заставляет искать внутренние основы их жанрового единства. Объединяет их не только то, что они написаны «по следам» путешествий, имеющих определенный маршрут, но и другие черты, общие для произведений одного жанра. По словам Н.И. Масловой названия жанров в публицистике зачастую указывают на их происхождение⁵. Она прослеживает их генезис с родственными видами деловых бумаг, личных дневников, указов, где в качестве примера приводит: «похвальные речи», «хожения» (по-древнерусски), «хождения», «путешествия» и пр.⁶.

Отличительной чертой жанра «путешествий», «хождений» яв-

ляется многоплановость собранного автором материала, широта и богатство которого зависят от его характера, мировоззрения, что служит ему опорой при описании и помогает делать выводы и сравнения. Ни в одном другом жанре публицистической литературы не проявляется так очевидно индивидуальность героя-автора, как в путевых заметках, например, А. Позднеев так характеризует Бааза-багши: «как живой стоит теперь перед нами этот калмык с его бесконечною верою в Будду и ламаистские святыни, с его поразительным благоговением перед хутухтами и подчинением всякого рода гэгэнам, доходящего до полного отречения от всех своих даже самых заветных желаний с его безграничным суевением, которое побуждает его чуть ни на каждом шагу и при том с одинаковым страхом гадать о своем счастье и у тибетского хутухты и китайского шамана, заставляет его по одному слову комично пролезать в разные скважины, освящать свои гадательные кости и прочее и прочее»⁷. Герой с определенным складом мыслей, своим видением мира, взглядом на вещи обязателен в произведениях этого жанра.

Предметом описания автора являются различные стороны действительности, все то, что увидел и на чем остановил свое внимание – это могут быть тенденции и процессы, события и проблемы прошлого и настоящего. Последнее во многом зависело от сословной принадлежности автора, интересов, склонностей. Отсюда выбор фактов для анализа, акценты (на экономику, религию, политику и т.д.) в путешествии. По этому поводу справедливо высказывание А. Позднеева о том, что «Бааза-багши пишет преимущественно о буддийских монастырях и кумирнях, о святых местах, мало уделяя внимание описаниям внешнего вида городов, степени их населенности, промышленном и торговом значении, ограничиваясь, порой, простой номенклатурой урочищ»⁸. Точно также ведет живой рассказ очевидца Исмагил-ага, «он не приводит географических координат городов, которые посетил, а просто рассказывает, как ехал из одного города к другому, из страны в страну, но в деталях описывает порядок исполнения обряда хадж»⁹. Эти моменты были для них важными, событийными, как и многочисленные повествования о чудесах, гробницах святых и угодников. Советник посольства Российской империи в Константинополе Дмитрий Ва-

сильевич Дашков в своем произведении, напротив, «предстает перед нами не только как наблюдательный путешественник, талантливый литератор, владеющий даром точного описания виденного, но и как ученый-исследователь, ставящий задачу разобраться в причинах виденного, анализирующий и сравнивающий, умеющий проникнуть в суть наблюдаемых событий»¹⁰.

Жанр путешествий предполагает проявление личностных качеств автора. Путешественник выбирает факты, которые обладают наибольшей выразительностью, соответствуют идейному замыслу произведения и наиболее полно смогут выразить его содержание. Содержание путевых записок заключается в показе многообразной, детализированной панорамы социальной действительности, какой ее увидел и охарактеризовал автор. Цель путешествия во многом определяет и содержание описания, что характеризуется избирательным подходом путешественника к объектам описания. Например, Бааза-багши более подробно описывает свое путешествие с берегов Волги до Тибета, нежели обратную дорогу, о которой он пишет очень кратко, справедливо замечая, что «всякий человек после того, как сумел дойти (до Тибета), не будет иметь трудностей в возможности возвратиться назад»¹¹.

Важной стороной содержания в путевых заметках – «путешествиях» выступает раскрытие мыслей и чувств самого автора, связанных с описываемым. В результате сравнения у автора рождается определенное эмоциональное осознание увиденного.

На основе вышесказанного можно выделить общие черты, характерные для жанра путешествий:

- а) автор-герой, с определенным складом мыслей, своим видением мира;
- б) многоплановость собранного автором материала;
- в) связь с современностью;
- г) маршрут путешествия.

При одинаково общем принципе построения произведений жанра путевых записей, каждое из них отличается авторским построением, национально-конфессиональными особенностями и индивидуальной манерой писателя. Как уже было сказано выше, в данной статье предпринята попытка рассмотреть характер изложения материала у авторов – представителей трех мировых религий. Безус-

ловно, здесь не преследуется цель сравнить генезис развития жанра путешествий в литературных процессах этих народов, так как в каждом он прошел свой путь, отличный друг от друга. И если в современной русской литературе можно отметить жанр путешествий как самостоятельный с его многообразными формами, такими как путевой очерк, путевые заметки, зарисовки, дневники путешествия и т.д., то, например, в калмыцкой, шире в общемонгольской, литературе, по словам профессора Г.И. Михайлова жанр описания путешествий «имел в старое время некоторое распространение, однако в этой области монгольскими авторами было сделано мало. Наиболее крупное произведение такого рода принадлежит Бааза-багше, представителю ламаистской церкви Калмыкии»¹².

Хождения русских путешественников

Русские хождения (по-древнерусски «хожения») – особый жанр средневековой литературы, возникший в начале XII в. Основоположником его считается игумен Даниил, чьи «путевые записки стали образцом, который во многом обусловил определенную структуру, предмет повествования и языковое своеобразие подобных сочинений»¹³. В древнерусских хожениях определились характерные для современных «путешествий» композиционные особенности: ведение всего повествования от имени автора-путешественника, активно осуждающего многообразные эпизоды, перемещение сообщений вставными новеллами, лирическими отступлениями и т.д. Начинаются хожения с традиционного вступления, где автор заверяет читателя, что все рассказанное видел сам «очима своима грешныма». Как отмечает в своем исследовании Е.И. Малето, «последовательность описаний основывается на одном из двух принципов. Пространственный принцип лежал в основе паломнических хожений, в которых описания святых мест христианской культуры соотносились с топографией местности. Принцип временной последовательности лежал в основе «светских», т.е. торговых и дипломатических хожений. Описание в них размещались в соответствии с временем путешествия... Характерная особенность языка хожений – присутствие церковно-славянской лексики (особенно в паломнических хожениях), а также иноязычной лексики и фразеологизмов»¹⁴. Композиция паломнических хожений характеризуется еще одной особенностью: в них встречаются вставные эпизоды легендарно-библейского содержания, чего нет в хожениях дипломати-

ческих и торговых. Новый этап в развитии жанра хождений связан с появлением путевых заметок Игнатия Смолнянина¹⁵. Новизна его произведения заключалась в том, что, освобождаясь от библейско-апокрифических мотивов, он не описывает христианские святыни, а рассказывает о реальных событиях, происшедших во время путешествия. Такого рода путевые очерки окончательно укрепились в середине XV в. и достигли своего наивысшего развития в «Хождениях за три моря Афанасия Никитина». В последующем они получили воплощение в литературе нового времени и сохранились до наших дней в виде современного путевого очерка.

В путевых записках можно выделить три сферы авторских интересов, тесно связанные между собой:

- географические (отражение в хождениях сведений о природно-климатических особенностях восточных стран);
- специфика образа жизни и быта народов Востока (сведения о народонаселении, его многонациональном характере, различиях в вероисповедании и т.д.);
- реликвии и достопримечательности дальних стран, прежде всего, реликвии основных центров христианской культуры (Царьграда и Иерусалима).

Ближний Восток давно волновал русскую душу. Посещение Святых мест и поклонение святыням считалось «подвигом богоугодным и апостольским» и сопровождалось всегда особым душевным трепетом. Поклониться гробу Господню, Вифлеемским яслям, гробнице Богородицы, искупаться в Иордане – это было целью верующих путешественников. Религиозное чувство, впрочем, часто заслонялось живым интересом к странам и народам, там живущим. Андрей Николаевич Муравьев в своем «Путешествии ко Святым местам в 1830 году»¹⁶ красочно описывает памятники архитектуры, людей.

Паломничество играло большую роль во взаимоотношениях России со странами Востока и Византии. С одной стороны, оно приобщало к святости, это было как бы хождение в рай, а с другой стороны, являлось формой сбора информации, установления культурных, экономических и политических контактов с иноземными странами. При возвращении путников на родину сведения о заморских странах становились известны значительному кругу лиц, что способствовало диалогу различных миров и культур.

О формировании и развитии жанра татарских путевых записей

Важное значение для исследования истории и культуры народа имеют памятники «географической» литературы. В татарской литературе они представляют собой обширный пласт написанных по-арабски сочинений, тесно связанных друг с другом определенными традициями и линиями преемственности. К ним относятся такие знаменитые сочинения путешественников, как Ахмед ибн Фадлан (X в.), Абу Хамид ал-Гарнати (XII в.), Ибн Баттута (XVI в.), Исмагил Бикмухамедов (XVIII в.).

Появление жанра «сэяхетнамэ» в татарской литературе не случайно. Татары, получившие мусульманское образование, обычно ездили в Аравию – в города Мекку и Медину – с целью паломничества, отсюда и исходит составление путевых записок. Сначала «создавался жанр «хождения» по содержанию своему преимущественно религиозного характера», – говорит В.П. Адриянова-Перетти¹⁷. «Хожениям» соответствует в татарской литературе – «хаджнамэ». Ту же самую мысль высказывает и Б. Риарти: «Во многом аналогичную картину мы можем наблюдать и в такой характерной части средневековой системы литературы, как описание путешествий, которое в большинстве стран тесно связано с религиозной практикой хождений в Святые места и позже с миссионерской и торговой деятельностью»¹⁸. Первая причина появления татарских путевых сочинений – общественно-социальная (паломничество), вторая – общественно-политическая (установление торговых и дипломатических отношений с другими странами). Такой и является «Исмагил ага сэяхетнамэсэ». Самый ранний памятник «сэяхетнамэ» или «хаджнамэ», из хранящихся в коллекциях рукописного фонда архивов ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН Татарстана, КГУ и рукописного фонда ЛО ИВ РАН, датирован 1698 годом. Автором его является Мортаза бине Котлыгыш эс-Симети¹⁹. Это небольшое по объему сочинение, составленное как частное письмо, в котором описывается поездка в Аравию – «хадж».

«Сэяхетнамэ» почти все составляются по определенной общей схеме: дается информация об авторе; указывается цель поездки; описываются обряды «хаджа».

Все это излагается подробно с использованием невероятных легенд о мусульманских пророках и святых. Обязательно упоминается, когда и откуда автор отправился в путь, перечисляется количество дней, необходимых, чтобы дойти от одного пункта до другого, сообщается время и место обратного прибытия на родину.

Структура «сэяхетнамэ» состоит из трех частей: традиционной вступительной, основной и заключительной. Трафаретная вступительная часть начинается с обращения к определенной, конкретной личности – господину, чья власть всесильна, или же возвеличивания и всяческие похвалы Бога и его пророка Мухаммеда. Все это сопровождается постоянными эпитетами и устойчивыми словосочетаниями, составляющими элементы этикета: например, дэюлэтля «имеющий власть», солтаным «мой господин», эфэндем «мой господин» и т.д.²⁰. В заключительной части говорится о достижении поставленной цели, возвращении автора целым и невредимым в родные края.

В результате хождений с целью паломничества или установления торговых и дипломатических связей с другими странами, в татарской литературе появился жанр путевых записок, т.е. «сэяхетнамэ». По словам исследователя А.Х. Алеевой, «многие произведения со временем исчезли... Но традиция составления путевых записок продолжает существовать и наши дни»²¹.

Одним из образцов жанра путевых записок «хаджнамэ» в татарской литературе является памятник, созданный в последней четверти XVIII века (1751-1783), – «Исмагил ага сэяхетнамэсе». В сочинении описывается путешествие одного из караванов купца А. Хаялина в Индию. Если в начале поездки в столь дальнюю страну преследовался чисто торговый интерес, то в Бухаре они получили «высочайшее предписание посетить Индию». «В городе Бухара нас застал указ царя о том, чтобы мы отправились в Индию с дипломатической миссией, чтобы выполнить это поручение, отправились в путь»²².

В композиционном отношении произведение состоит из трех частей: 1) описание поездки в Среднюю Азию, Афганистан, Иран, Ирак и путешествие по Индии; 2) паломничество по святым местам Аравии; 3) возвращение через Турцию на Родину;

Из текста видно, что Исмагил Бикмухамедов – не руководитель каравана, а только один из его членов. В то же время он предстает перед нами как образованный и любознательный человек, а его путевые записи не свод сухих данных, взятых из книжных источников, а живой рассказ очевидца. Он подробно описывает увиденное своими глазами, обычаи и традиции людей, с которыми встречался, о трудностях пережитых на чужих землях, «...близ г. Сураг встретились с морскими пиратами, во время боя погибли НаDIR и Габдрахман...», «...дорога ведет через тропические леса Индии, в которых полно обезьян и, кроме прочих зверей, много львов...»²³. После посещения священных для мусульман мест - Медины, Мекки и Таифа - и совершения обряда «хадж», который автор описывает очень подробно, используя невероятные легенды о святых и про-роках, Исмагил остается совершенно один, без средств к существованию. С помощью крымских татар-паломников он добирается до Стамбула, где нанимается на работу в магазин. И только спустя 25 лет возвращается на свою родину.

«Исмагил ага сзяхетнамэсе» является вторым по времени отечественным сочинением об Индии после «Хождения» А. Никитина. Также ценность памятника заключается в том, что он написан на старотатарском языке арабским письмом, с активным использованием элементов живой народной речи, отражает определенный этап процесса демократизации литературных норм татарского языка.

Особенности жанра хождений в калмыцкой литературе

В средневековой литературе монгольских народов также имели место произведения, рассказывающие об «увиденном и услышанном» в дороге, распространяющие в народе действительные знания о неизвестных местах и странах²⁴. Примечателен тот факт, что такие описания практически неизвестны собственно монгольской письменной словесности, но составляют один из немногих жанров оригинальной письменной литературы ойрат-калмыков и бурят. Бытует мнение о том, что ойрат-калмыцкая литература насчитывала значительное количество сочинений жанра хождений, но до настоящего времени их сохранилось очень мало²⁵. Сохранившиеся произведения, в основном, содержат описание путешествий в Тибет и Монголию²⁶.

Обосновавшись на берегах Волги, калмыки никогда не прекращали поддерживать связь с Тибетом и духовным главой буддистов Далай-ламой, а некоторые калмыцкие правители получали от него ханский титул, печати и грамоты, с соизволением посещать страну и представляться Его Святейшеству. Совершая путешествие на Восток, они преследовали различные цели – ознакомление с политическим, экономическим укладом народов, исторически связанных с жизнью калмыцкого народа, получение духовного образования, но все же главной целью было добраться до столицы Тибета Лхасы (по-калмыцки Зуу) и получить аудиенцию Далай-ламы. Возможно поэтому сначала паломников, а потом и путешественников вообще, стали называть «зуульчи».

Самым ярким образцом описания путешествия в калмыцкой литературе является хождение малодербетовского Бааза-багши. Как отмечает А.В. Бадмаев, «Бааза Менкеджув не пытался составить ни подробный отчет о своем путешествии, ни написать художественное произведение, но мысль, заставившая покинуть пределы родного нутука, вынудила взяться за перо, чтобы по мере «возможности доставить пользы благочестивым людям, вознамерившимся посетить Тибет»²⁷.

Условно в хождении можно выделить три части: вступительную, основную и заключительную.

Во вступительной части говорится о причинах, побудивших предпринять столь длительное путешествие, о целях, которые Бааза-багши поставил перед собой, и о содействии некоторых владельцев малодербетовских нойонов, субсидировавших паломничество в страну «снежных гор». Сам он об этом пишет так: «...ныне я, Бааза-гелюнг Дунду хурула Малодербетовского улуса, прочитав вышеуказанные сказания и наставления, а также собрав сведения, как из устных рассказов, так и из священных книг обо всем том, каким образом раньше представлялись (Далай-ламе), еще за много лет раньше в душе своей предполагал, что и в настоящее время, пожалуй, можно дойти (до Тибета) и представиться (Далай-ламе). По этой причине, довел я до сведения... нойона Церен-Давида. ... нойон этот, узнав (о моих намерениях), сразу же проникся благоговением ... приготовил и пожаловал мне мои путевые провианты и всякого рода вещи, необходимые в пути. ...После чего я, Бааза-ге-

люнг Менкеджуев, сделав все необходимые приготовления, однозначно и всей душой решил свое путешествие в Тибет с тем, чтобы добраться и совершить поклонение в стране Зуу - Тибете, до которой наши люди не доходили уже 135 лет, и снова показать многочисленным одушевленным существам нашего государства дорогу, которой можно ходить»²⁸.

Другой путешественник Номчи-Цорджи-багши Пурдаш Джун-груев, мотивируя причины своего паломничества, пишет следующее: «Прежде Йогучар-цзурачи и Цзайсан из родов Богдо-шабинарова и мамут /мамадут/ - шабинарова добрались до Тибета и представились Далай-ламе и Панчен-богдо. От обоих гэгэнов /они/ удостоились получить грамоты, печать, предметы поклонения, бурханов и много /других/ тому подобных благословенных вещей. 8-го числа первого месяца года воды и собаки согласно милостивому повелению возвели храм /хурул/ и потому хурул называется «богдинским». /Вот/ причина, почему он называется «шабинаровым». Они стали шабинарами /подданные монастырей или Великих лам/ двух богдо /Далай-ламы и Панчен-эрдэни/. По русскому летоисчислению этот хурул воздвигли в 1681 г., поэтому я и отправился в Тибет, чтобы довести об этом до сведения двух богдо»²⁹.

Из вышеприведенных примеров можно сделать вывод о том, что зачин, в котором приводились причины побудившие предпринять паломничество, был традиционен для произведений подобного жанра.

К основной части мы относим непосредственно описание самого путешествия, которое Бааза-багши вместе со своими спутниками (манджи Лиджи Идеруновым и калмыком-престололюдином Дорджи Улановым) предпринял 5 июля 1891 года, выехав из своего родового хурула. Путешественникам предстояло преодолеть обширные территории Сибири, добраться до Монголии и далее отправиться в еще более трудную и чрезвычайно опасную дорогу через пустыню и крутые перевалы, через земли, где наблюдались воровство и бесчинства в такой степени, что, по выражению автора, «спать ночью невозможно», к своей цели – святыням Тибета. В своем сочинении Бааза-багши уделяет внимание преимущественно культовым буддийским местам и обрядам – монастырям, кумирням, церемониям подношений и пр., лишь изредка сообщая подробности об

отдельных городах, о народонаселении и необычных явлениях, заинтересовавших его во время пути. Передвигаясь в пределах России, он просто фиксирует: «21 числа в 7 часов утра прибыли в город Тюмень»³⁰. В ходе повествования он отмечает факты, на его взгляд интересные, так, ему запомнилась встреча с народом «остяки», о которых пишет: «Будучи похожи лицами на калмыков, мы, думая, что (они) калмыки, спросили у них по-калмыцки, но (они) нас не поняли. Затем, когда спросили по-русски, сказали, что они остяки»³¹. Более подробно Бааза-багши рассказывает об алашанских элэтах, сообщая много интересных сведений этнографического, исторического и хозяйственно-бытового плана. В частности, характеризуя их хозяйственную деятельность, он замечает: «Воды мало, поэтому в основном содержат верблюдов. Говорят, что есть хозяева, которые доят до 100 верблюдов. Доя верблюдов, делают кумыс и гонят водку»³².

Наиболее подробно и эмоционально Бааза-багши пишет о Тибете, тибетцах, их обычаях и нравах, о Лхасе, о главных монастырях и святынях, попутно приводя различные легенды и сказания. «К вечеру, достигнув Лхасы, получили высшую из человеческих радостей»³³ – так лаконично автор описывает свои чувства, переполнявшие его по приезду к назначенной цели. Особое место в повествовании занимает описание церемонии поклонения Далай-ламе: «...сказав, что хотели бы совершить отменную добродетель..., 9-го числа этого месяца собаки преподнесли Гэгэну Даншгийн мандал в 1000 лан»³⁴. Не менее выразительны его описания посещения великих монастырей Галдан, Брайбун, Сэра, озера Окон-тенгри, топографии в монастыре Нартран-киид, встречи с Шачжа-панчен, главой древней, когда-то могущественной секты Сакья.

Исполнив все свои намерения, посетив Тибет, получив благословение у Далай-ламы и Панчен-гэгэна, посетив все «великое и высокое», Бааза-багши вместе со своим спутником отправился в обратный путь, о котором пишет очень кратко. Если по пути в Тибет он проехал почти через всю Сибирь, то домой он возвращался через северный Китай, Пекин и затем морем вокруг Индии в Одессу.

Анализируя произведение с точки зрения композиционного строения материала, необходимо подчеркнуть, что помимо сообщений о географических пунктах, попадавших на пути, выделяются груп-

пы кратких сведений, непосредственно привязанных к этим местам, а также лирические отступления в виде развернутых рассказов, легенд, сказаний, почерпнутых из устных или письменных источников.

В заключение своего сочинения автор пишет о причинах, побудивших его взяться за написание «маленькой книжки»: «...были намерения, при взаимной помощи, составить описание путешествия, чтобы по возможности оказать пользу всем тем, кто вознамерится посетить Тибет»³⁵.

Важно отметить тот факт, что в заключении прослеживаются традиционные для ойрат-калмыцкой литературы признаки, обусловленные наличием колофона-благопожелания, указанием имени автора и времени создания сочинения. «Если есть что лишнее, ошибочное или упущенное, каждый, кто прочтет, простите»³⁶, «Да снизойдет спасение Будды, да утвердятся стопы Великого Императора, да насладятся спокойствием все живые существа и да возродится дух добродетели!»³⁷.

Не являясь художественным произведением в подлинном смысле слова, но, сочетая передачу искренних личных впечатлений с живым, ярким фактическим материалом, сочинение Бааза Менкеджуева читалось с большим интересом калмыками, знакомя их с неизвестными странами и народами. Своеобразие содержания памятника теснейшим образом связано с языком как одним из важнейших элементов стиля. По этому поводу А.М. Позднеев точно заметил, что труд этот «представляет собой прекрасный пример живого языка современной калмыцкой литературы, так как написан он искренне и правдиво хорошим литературным языком»³⁸.

Анализ произведений жанра путешествий показывает, что их своеобразие связано с особенностями мастерства автора, с манерой повествования, со стилем изложения, с той формой, которая избирается им для наиболее полного претворения замысла, а также с традициями композиционного строения, которые закладывались и оттачивались на протяжении всего литературного процесса того или иного народа.

¹ Н.М. Маслова. Путевой очерк: проблемы жанра. М., Знание, 1980. Стр. 4.

² Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Бааза-багши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А.М. Позднеевым. СПб., 1897.

³ А.Х. Алеева. Путешествие Исмагил ага в Индию: (Исслед. яз. тат. путевых записок 18 в. «Исмагил ага сзяхетнамэсе»). Казань, 1993.

⁴ Святые места вблизи издали: Путевые заметки русских писателей 1-й пол. 19 века. Сост. К. Ургузова. М., «Восточная литература» РАН, 1995.

⁵ Н.М. Маслова. Там же. Стр.5.

⁶ Там же. Стр.6.

⁷ См. А. Позднеев. Бааза-багши. Стр. XII-XIII.

⁸ См. А. Позднеев. Бааза-багши. Стр. XII-XIII.

⁹ А.Х. Алеева. Там же. Стр.7.

¹⁰ Святые места вблизи издали.

¹¹ А.В. Бадмаев. О жанре хождений (описание путешествий) калмыцкой литературы // Ученые записки КНИИЯЛИ, 1973. Выпуск XI, Стр. 46.

¹² Г.И. Михайлов, К.Н. Яцковская. Монгольская литература. Краткий очерк. Москва, 1969. Стр. 40-41.

¹³ Е.И. Малето. Хожения русских путешественников 12-15 вв. М., 2000. Стр. 16.

¹⁴ Там же. Стр. 16.

¹⁵ Там же. Стр. 17.

¹⁶ Святые места вблизи издали: Путевые заметки русских писателей 1-й пол. 19 века. Сост. К. Ургузова. М., «Восточная литература» РАН, 1995.

¹⁷ А.Х. Алеева. Путешествие Исмагил ага в Индию: (Исслед. яз. тат. путевых записок 18 в. «Исмагил ага сзяхетнамэсе»). Казань, 1993. Стр. 5.

¹⁸ Там же. Стр. 5.

¹⁹ Там же. Стр. 6.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Стр. 8.

²² Там же. Стр. 11.

²³ Там же. Стр. 12.

²⁴ А.В. Бадмаев. О жанре хождений (описание путешествий) калмыцкой литературы // Ученые записки КНИИЯЛИ, 1973. Выпуск XI; Ц.А. Дугар-Нимаев. О жанре хождений в бурятской литературе 19 века. – В кн.: Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 1. Элиста, 1974; Б.Лауфер. Очерк монгольской литературы. Пер. В.А. Казакевича под. ред. и с пред. Б.Я. Владимирцова, Л., 1927. Стр. 51.

²⁵ А.В. Бадмаев. О жанре хождений (описание путешествий) калмыцкой литературы. Ученые записки КНИИЯЛИ, 1973. Выпуск XI. Стр. 33.

²⁶ Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Бааза-багши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А.М. Позднеевым. СПб., 1897; Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгруева. Перевод А.Д. Руднева (ред. перевода, предисловие и примечания А.Г. Сазыкина). В кн.: Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987, и в кн.: Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1988. Поездка в пределы Западной Монголии, совершенная в 1899 г. зайсангом

Малодербетовского улуса Л. Арлуевым и его двумя спутниками. СПб., 1901.

²⁷ А. В. Бадмаев. О жанре... Стр. 38-39.

²⁸ См. Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Баазабагши., Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А. М. Позднеевым. СПб., 1897. Стр. 1-2.

²⁹ Хождение в Тибет калмыцкого бакши Пурдаш Джунгуева. Перевод А. Д. Руднева. (Ред. перевода, предисловие и примечания А. Г. Сазыкина). В кн.: Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987. Стр. 127.

³⁰ См. Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Баазабагши. Калмыцкий текст с переводом и примечаниями, составленными А. М. Позднеевым. СПб., 1897. Стр. 4.

³¹ Там же. Стр. 4.

³² Там же. Стр. 19.

³³ Там же. Стр. 72.

³⁴ Там же. Стр. 83.

³⁵ Там же. Стр. 119.

³⁶ Там же. Стр. 119.

³⁷ Там же. Стр. 120.

³⁸ Там же. Стр. XV.

Ж. Цээн

О развитии и истории монгольской библиографии

Библиография у монголов связана с возникновением и развитием монгольской книги, с информацией о первоисточнике, которая, постепенно обновляясь, дошла до современного уровня. Важнейшей характеристикой культуры книги, созданной народами, является распространение сведений о рукописях и изданиях, о степени известности материала на уровне мировой общественной информации и истории развития книги.

Одним из важных источников информации о рукописных трудах на более раннем этапе являются наскальные надписи, письмена на дереве, на тканях, позже - переписка (как личная, так и на государственном уровне), а затем и киелография.

Письменность на территории Монголии появилась еще во времена империи хуннов. Имеется множество свидетельств, что государства, существовавшие на территории Монголии, уже печатали книги, например: в "Суй шу" (летописи государства Суй) упо-